

Ценность права в постклассическом измерении

Честнов И.Л.,

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
E-mail: ichestnov@gmail.com

Аннотация. Автор статьи показывает ограниченность классического понимания ценности права. Постклассическая методология — это новое измерение права и его ценности. Ценность права конструируется властными дискурсивными практиками. Одновременно ценность права — это его социальное назначение. Оно состоит в обеспечении нормального функционирования общества.

Ключевые слова: ценность права, постклассическая юриспруденция, конструирование права.

Ценность права — «вечная» тема юридической науки. Она предполагает экспликацию назначения права в обществе и его соотношение с некой инстанцией вынесения высших и последних оценок. Со времен античности и до самого последнего времени предполагалось самоочевидной данностью, что право представляет собой одну из важнейших ценностей социального бытия¹. Ценность права традиционно выводилась — в соответствие с типом правопонимания — из «природы вещей», рациональности человеческого («законодательного» — по терминологии З. Баумана) разума или триады свободы, формального равенства и справедливости. При этом все классические подходы к ценности права исходят из его — права — рациональности, универсальности и объективной данности.

Сегодня — в эпоху постсовременного социума — трансформируются основания социального бытия и представления о нем как «момента», стороне самого бытия. В связи с этим изменяется подход к ценностям вообще и ценности права в частности. Что это за изменения? Прежде всего, признание многомерности социального бытия (социальной реальности), включающей не только поведенческую, но и знаково-символическую, познавательную (когнитивную) и аксиологическую стороны или аспекты. Другими словами, ценности входят важной составляющей как в социальное бытие², так и в его познание³. Поэтому право и его восприятие (а одно не существует без

другого — бытие права невозможно вне и без его социального образа — представления) ценностно нагружено. Отсюда «отнесение к ценностям» предстает важным моментом воспроизводства правовой реальности.

Но более важно, что представление о ценности как таковой — и, следовательно, о ценности права — сегодня кардинально меняется. В «классическом» науковедении и правоведении ценность (и ценность права) связывают с некой объективной данностью отношения субъекта к объекту⁴ и считают либо имманентной сущностью социального феномена (включая право), либо соотносят с некой трансцендентной сущностью. В любом случае постулируется, что эта ценность (будь то имманентная или трансцендентная) — самоочевидная данность, выступающая основанием данного феномена (в том числе права) и позволяющая однозначно его оценивать. И в том, и другом случае ценность права (как и любого другого социального явления, феномена) и само право трактуется как внеположенная человеку объективная данность. Реификация ценностей, включая ценность права и его бытия, их натуралистическая трактовка — главное отличие классической науки. Отсюда постулирование ценности права в эссенциалистских категориях самостоятельности его бытия и высшей или важнейшей значимости.

Не ставя под сомнение последний вывод, тем не менее нельзя не заметить, что сегодня — в эпоху постклассики — такие постулаты ценности права вызывают серьезные возражения. Дело в том, что ценность права в классическом правоведении трактуется как его *рациональность, объективность и универсальность с однозначно определяемым содержанием и объемом*. В этой связи возникает несколько проблем, свойственных онтологии и гносеологии Нового времени,

¹ Исключения составляли «маргинальные» направления в философской мысли, кои присутствуют всегда — от софистов до Ф. Ницше, анархистов, школы правового реализма США, постмарксистов постструктуралистского разлива и некоторых других.

² О «внутреннем единстве» «концепций юридической онтологии и аксиологии» писал В.С. Нерсисянц. См.: Юридическая аксиология // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В.С. Нерсисянца. М.: УРСС, 2000. С. 29.

³ О последнем моменте см.: Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007.

⁴ По мнению А.А. Ивина, ценность — это не предмет, а оценочное отношение между мыслью и действительностью. См.: Ивин А.А. Аксиология. М.: Высш. шк., 2006. С. 8.

которые являются основаниями представления о праве — и его ценности — эпохи модерна. Наиболее существенной среди них представляется *проблема рациональности* в самом широком смысле этого слова, в том числе рациональности права, из которой вытекает проблема *объективности и универсальности* права. На протяжении последних трех веков в философии и мировоззрении господствовало представление о разумности нашего «лучшего из миров» и возможности его аподиктического познания. Благодаря разуму человек в состоянии открыть закономерности, на основе которых существует мироустройство, и сконструировать отвечающие этим закономерностям социальные институты. Однако претензии человеческого разума на открытие (если они есть) конститутивных закономерностей бытия и создания, на которых должны быть сформированы оптимальные, справедливые, обеспечивающие всеобщее благо социальные институты, как оказалось, сильно преувеличены.

Если рациональность трактовать как логическую непротиворечивость, то есть исходить из программы неопозитивизма, то нельзя не признать, что она не выдерживает критики по нескольким основаниям. Во-первых, логика, будучи правилом вывода из исходных посылок, ничего не говорит об обоснованности самих исходных постулатов. Поэтому существует множество логически правильных суждений, которые являются бессмысленными⁵. Во-вторых, логически завершённые системы (множества) являются противоречивыми, как доказал своими знаменитыми ограничительными теоремами К. Гедель⁶. Поэтому сформулировать право (и его принципы) как замкнутую, самодостаточную, логически непротиворечивую систему, о чем мечтал Г. Кельзен, невозможно. В-третьих, существуют серьёзные проблемы с так называемой юридической логикой, с помощью которой можно попытаться рационализировать (формализуя) принципы права. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Сейчас же представляется возможным заметить, прежде всего, что формулировки законодателя неизбежно опираются на естественный язык, который отличается от искусственного,

формализованного, конвенционального языка, который призвана разрабатывать аналитическая философия. Он отличается метафоричностью, противоречивостью, неполнотой, а также тем, что его значение и референция определяются не аналитически, а через практическое обращение с конкретными предметами. С другой стороны, формальная логика не в состоянии обосновать норму права, так как прескриптивные суждения, образующие ее диспозицию, не могут быть логически выведены из дескриптивных, формулирующих гипотезу нормы права. Эта проблема, именуемая «парадоксом Юма», имеет более широкую философскую трактовку о соотношении фактов и ценностей, фактов и мотивации поведения. Между нормами и фактами существует отношение асимметричности: «нормы всегда *относятся* к фактам, а факты *оцениваются* согласно нормам, и эти отношения нельзя обратить»⁷. При этом отношение оценивания с логической точки зрения совершенно отличается от личного психологического отношения — симпатии или антипатии — к интересующим нас факту или норме. В мире фактов регулятивной идеей является идея соответствия между высказыванием или предложением и фактом, то есть идея «истины». В мире норм соответствующую идею можно описать разными способами и назвать различными именами, к примеру «справедливостью» или «добром». Но «регулятивная идея абсолютной «справедливости» и абсолютного «добра» по своему логическому статусу отличается от регулятивной идеи «абсолютной истины», и нам ничего не остается делать, как примириться с этим различием. <...> Очевидно, что критерий абсолютной справедливости невозможен еще в большей степени, чем критерий абсолютной истины. Можно, конечно, в качестве такого критерия попытаться рассматривать максимизацию счастья. Но я никогда не рекомендовал бы принять в качестве такого критерия минимизацию нищеты, хотя я думаю, что такой критерий был бы усовершенствованием некоторых идей утилитаризма»⁸. Отождествление фактов и норм, по мнению К. Поппера, предприятие весьма опасное, так как оно «неизбежно ведет к отождествлению будущей власти и права. <...> Другими словами, это ведет к *отождествлению норм или с властью ныне, или с будущей силой*»⁹.

Таким образом, претензия эпохи модерна на рациональное устройство социального мира, выражающаяся как в реализме (логической обоснованности, разумности), так и номинализме (эмпиризме) оборачивается либо беспредпосылочно-

⁵ Р. Карнап, одним из первых обративший внимание на этот парадокс, приводит в качестве примера фразу: «Цезарь есть простое число», которая с точки зрения логики (правил синтаксиса и грамматики) является безупречной, но одновременно и бессмысленной. См.: Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 69–89. При этом преодолеть этот парадокс сведением такого рода предложений и «метафизических слов» к протокольным предложениям представителям неопозитивизма так и не удалось.

⁶ См.: Gedel K. Über formal unentscheidbare Setze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I // Monatshefte für Mathematik und Physik. Bd. 38. 1931. S. 173–198.

⁷ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, 1992. С. 459.

⁸ Там же. С. 460–461.

⁹ Там же. С. 470.

стью оснований, либо произволом. Поэтому, как справедливо подчеркивает Х. Йоас, «ценности невозможно создать рациональным способом и распространить через механизм индоктринации»¹⁰. Об этом же, в принципе, пишет В.П. Малахов: «ценности — характеристики универсальных свойств права, морали и т.д., они — данности культуры, не имеющие рациональных оснований. Ценность по сути тождественна оправданности существования. <...> Идея ценности сродни идеям блага, добра, права — всему, что неопределимо, но чувствуемо, принимаемо в силу духовной сродненности с ними. Они — то, что понимаемо, пока не определимо. Ценности — вообще не предмет познания, а лишь средство формирования позиции, объект рефлексии, принятия»¹¹.

Не меньше возражений можно привести и относительно идеи ценности *объективности права*. Наивная вера в то, что право существует независимо от потребностей, интересов и ценностей человека сегодня не выдерживает критики и заменяется интересубъективностью. *Интерсубъективность* свидетельствует о том, что право — социальное явление, опосредующее и одновременно включающее межличностные взаимодействия. Любое социальное явление (а значит и право) существует во взаимодействиях, опосредованных символическими медиа. Тем самым представление об объективности права трансформируется, и происходит переход от натуралистической реификации права в знаковых формах, свойственной классическим подходам, к типизациям и репрезентациям, воспроизводимым практиками людей. Юридически значимые действия предполагают соотнесение собственных интенций и действий с поведением социально значимого или обобщенного Другого, представленного эмпирически данным партнером взаимодействия. Право объективно не только потому, что предполагает формальную закрепленность, а тем самым определенность (важность чего не отрицается), но и потому, что существует в массовых практиках — взаимодействиях людей в юридически значимых ситуациях. Эти практики с помощью механизма правовой социализации передаются от поколения к поколению и воспроизводятся в своей основной массе в силу правовых стереотипов, установок (аттитюдов)¹². Поэтому право — это взаимодействия, как мен-

тальные (психические), так и фактические людей, в которых формируются знаковые формы права и которые их реализуют.

Наиболее важным в связи с анализом постклассических ценностей и ценности права является вопрос об *универсальности права*. С «проектом Просвещения», воплощенном сегодня в процессе глобализации, связывают такое социальное устройство, которое основывается на рациональных, а поэтому универсальных законах бытия. Глобальные процессы в правовой сфере — это универсализация, можно сказать, унификация политико-правовых институтов, что проявляется в дивергенции законодательства. Отсюда возникает соблазн всемирно-политических и глобально-правовых проектов, охватывающих все человечество. Одним из таковых является проект универсализации международных отношений, восходящий к идее Канта о «вечном мире» во «всемирной республике». Его ярким сторонником, разработчиком и пропагандистом является выдающийся немецкий философ и социолог — Ю. Хабермас¹³. По его мнению, сегодня уже во весь голос заявила о себе тенденция «смены перспективы от классического международного права к политической конституции мирового общества», и это «уже не чисто мысленная конструкция. К такой смене перспективы сегодняшнее сознание вынуждает сама общественная реальность, в той мере, в какой функциональные системы воспринимаемого в стадии становления мирового общества пересекают национальные границы, возникают чрезвычайно большие расходы прежде невиданного порядка — и тем самым потребность в регулировании, которое превосходит существующие способности к политическому действию. Это касается не только неравновесности экономической части системы и беспрепятственно ускоряющейся после финансового кризиса 2008 г. спекуляции. Аналогичная потребность в глобальном регулировании возникла также из-за экологической несбалансированности и рисков, связанных с высокими технологиями. С такими проблемными ситуациями мирового общества сегодня сталкиваются не отдельные государства или коалиции государств, а политика как таковая»¹⁴. Для решения этих и подобного рода проблем и предлагается «всемирная конституция», создаваемая «гражданами

¹⁰ Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб.: Алетейя, 2013. С. 14.

¹¹ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 101.

¹² Этим не отрицается отсутствие рационального расчета в правоотношениях и их постоянная трансформация. Но большинство юридических интеракций — правоотношений — происходит как само собой разумеющиеся действия, особенно если они происходят «нормально», беспроблемно, и именно поэтому они представляются в массовом сознании (доксе) как некая объективная данность.

¹³ См.: Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М.: Весь мир, 2013; Хабермас Ю. Кантава идея вечного мира — из 200-летней исторической перспективы // Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 200–221; Хабермас Ю. Есть ли еще шансы для конституционализации международного права? // Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. С. 52–188; Хабермас Ю. Политическая конституция для плюралистического мирового общества // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М.: Весь мир, 2008. С. 293–330.

¹⁴ Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. С. 87–88.

мира и гражданами государств» и выражающая принципы «универсальной этики», воплощаемые в праве: недопущения «агрессивных войн и нарушений прав человека»¹⁵.

Не ставя под сомнение значимость изысканий, возможно, последнего великого философа, направленных, несомненно, на благую цель — прекращение возможности войны в мире, выскажу несколько критических замечаний по поводу перспектив такого проекта. Главная причина сомнения состоит в том, что *содержательно определенная универсальность права, на мой взгляд, невозможна в принципе. Это связано с тем, что проблема универсальности права (и содержательно определенного значения ценности права) соотносима с принципом неопределенности, обуславливающим (пост)современное мировоззрение.* Социальная реальность (включая, конечно, и правовую ее момент, аспект), определяемая социальными представлениями, принципиально вероятностна, нестабильна и сложна, подвержена рискам саморазрушения. Поэтому управление ею и достижение всеобщего блага — о чем мечтали мыслители эпохи Просвещения — не поддается разумному расчету. Человеческое познание опосредовано множеством факторов, в том числе социокультурным контекстом, в связи с чем трансформируется принцип научной объективности познания в интересубъективность. Собственно в этом — признании неустрашимости исторического и социокультурного контекста научного познания — и состоит переход науки от классической стадии ее эволюции к неклассической и пост(не)классической. Тем самым классическая рациональность, ориентированная на объективность познания, элиминирующего человека и социокультурные факторы, вытесняется (например, в квантовой неклассической физике) и заменяется на коммуникативную, включая трансформацию основных понятий гносеологии. В связи с этим возникает неопределенность в категоризации, классификации и квалификации социальной (и правовой) реальности. Приходится констатировать, что в ситуации «постмодер-

¹⁵ «Если сообщество народов ограничивается деятельностью по обеспечению мира и защите прав человека, — пишет Ю. Хабермас, — то солидарность граждан мира, в отличие от солидарности граждан государства, не нужны “сильные” нравственные установки, практики общей политической культуры и жизненных форм. Для солидарности граждан мира достаточно созвучия морального возмущения массовыми нарушениями прав человека и очевидным пренебрежением к запрету на агрессивные военные действия. Для объединения общества граждан мира достаточно единства чувства в негативных оценках массовой преступности. Однозначные негативные функции универсалистской этики справедливости — обязанность недопущения агрессивных войн и нарушений прав человека — задают в конечном счете и шкалу для правовых суждений международных судебных институтов и политических решений ООН» (Хабермас Ю. Кантовский проект и расколотый Запад // Хабермас Ю. Расколотый Запад. С. 133).

нити» невозможно дать однозначную оценку, в том числе юридическую, сложного социального явления или процесса. Так, например, квалификация действий, направленных на защиту государственного суверенитета другой стороной (с позиции другого «наблюдателя») может быть оценена как нарушение права нации на самоопределение, «гуманитарная интервенция» при массовом нарушении прав человека другими может быть признана как вторжение во внутренние дела государства, то есть попрание государственного суверенитета и т.п. Неустрашимость субъективности позиции наблюдателя, вытекающая из принципа дополненности, не дает возможность описать и объяснить (квалифицировать) такого рода ситуации одним «единственно правильным» способом. З. Бауман прозорливо пишет, что «сегодня «становится все менее и менее ясно, что должен предпринять (политический. — И. Ч.) институт для улучшения ситуации в мире, — даже если рассмотреть маловероятный случай, когда он способен сделать это. Все картины счастливого общества, нарисованные разными красками и множеством кистей за последние два столетия, оказались либо несбыточной мечтой, либо — если их воплощение в действительности и было объявлено — нежизнеспособными (конструкциями. — И. Ч.). На практике приносит столько же несчастий, сколько и счастья, если не больше»¹⁶. В связи с этим можно согласиться с утверждением Л. Болтански и Л. Тевено, что неопределенность составляет «саму суть человеческого действия»¹⁷.

Неопределенность в юриспруденции ставит под сомнение ее краеугольный камень — принцип верховенства права, в частности, его важнейшее положение стабильности и непротиворечивости правовой системы. Именно эти качества призваны обеспечить доверие населения к законодательству. Однако сегодня стала очевидной завышенность претензии человеческого Разума, которую можно обозначить как «миф позитивного права», построить идеальную (завершенную, непротиворечивую, охватывающую все возможные юридически значимые ситуации) правовую систему. Между принципами права и законодательством, а тем более его конкретизацией в процессуальных нормах, нет логически выводимой связи. Из одного и того же принципа права или конституционного положения можно сделать логически непротиворечивым способом значительно отличающиеся выводы. Например, из принципа разделения властей можно сформировать президентскую, парламентскую или смешанную республиканские формы права и

¹⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 141.

¹⁷ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. С. 523.

конституционно-монархическую. Ко всему прочему, норма права не имеет имманентного механизма ее реализации, поэтому процессуальное законодательство, в свою очередь, может значительно отличаться при относительном единстве материального права, не будучи с ним логически связанным.

Вряд ли какие бы то ни было попытки свести всю сложность мира к аккуратной и исчерпывающей классификации могут быть успешными, — пишет З. Бауман¹⁸. Современность — это «состояние перманентной и повсеместной неопределенности <...> это совокупный опыт *неуверенности* человека в его положении, в правах и доступности средств к существованию, *неопределенности* относительно преемственности и будущей стабильности, *отсутствия безопасности* для физического тела человека, личности и их продолжений — имущества, социального окружения, сообщества»¹⁹. «Мировое общество риска, — пишет У. Бек, — <...> является эпохой цивилизации, в которой решения, касающиеся жизни не только нынешнего, но и последующих поколений, принимаются на основе сознательного незнания»²⁰.

Проблематизация универсальности ценностей вытекает из многообразия мира, различия культур. «Как и отдельные индивиды, коллективные акторы, — пишет Х. Йоас, — тоже находятся в поле напряжения между своими контингентными, партикулярными системами ценностей и потенциалом принуждающей к универсальности морали. <...> Тем не менее, в отношении повсеместного распространения базовых норм сразу же необходимо отметить, что каждая культура ограничивает потенциально универсальную мораль, определяя сферы и условия ее применения»²¹.

В такой ситуации многообразия культур и онтологической неопределенности (комплексности, контингентности, перманентной нестабильности) в качестве средства если не преодоления ее, то, по крайней мере, снижения выступает теория и практика коммуникации. «Универсальные нормы, — пишет Б.В. Марков, — могут стать всеобщими правилами действия, если они получают признание со стороны всех личностей, к которым они имеют отношение. Опыт нравственного признания является принципиально коммуникативным. Моральные вопросы не могут быть решены монологическим путем, но требуют коллективных усилий. Совершенно недостаточно понимать дело так, что каждый человек самостоятельно приходит к признанию

моральных норм и после этого “голосует” за их принятие, ибо требуется реальная аргументация участников для достижения консенсуса. Только в этом случае моральные нормы приобретут связь с личным интересом, который, будучи выражен в речи, получает оценку со стороны других личностей»²².

Автор коммуникативной теории Ю. Хабермас, понимая невозможность универсального содержательного обоснования ценностей, социальных норм, формулирует коммуникативную концепцию социальной нормативности, основанную на формальной, дискурсивной, делиберативной рациональности. «Основное положение этики дискурса, — пишет немецкий мыслитель, — запрещает особо выделять, ссылаясь на философский авторитет, какие-либо моральные содержания (например, определенные принципы справедливого распределения) и раз и навсегда закреплять их средствами морали»²³. Тем самым обосновывается, что социальные (и, следовательно, правовые) нормы, притязают не на истину, а на социальную значимость как их принятие или признание универсальной аудиторией. При этом «универсальность аудитории» является лишь потенциальной, так как предполагается, что любой желающий может — но не обязан — принять участие в обсуждении (делиберации) и формировании нормы. «Каждая действительная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые общее следование ей возымеет для удовлетворения интересов каждого отдельного индивида, могут быть без какого бы принуждения приняты всеми, до кого она имеет касательство»²⁴.

Такой подход, несомненно, гораздо более перспективен по сравнению с наивностью классических теорий обоснования и легитимации конституции. «Концепция “господства закона”, — пишет Ю. Хабермас, — черпает свою легитимность из источников естественного права. В конечном счете она опирается на идею естественных прав человека, данных от природы. Но эту позицию едва ли можно еще защищать в условиях постметафизического мышления»²⁵. Республиканское понимание конституции, напротив, обладает тем преимуществом, что позволяет закрыть эти лакуны легитимации. В своем теоретическом

¹⁸ Бауман З. Указ. соч. С. 42.

¹⁹ Бауман З. Указ. соч. С. 151, 194.

²⁰ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 153.

²¹ Йоас Х. Указ. соч. С. 256.

²² Марков Б.В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. С. 336.

²³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 182.

²⁴ Там же. С. 179.

²⁵ По мнению Ю. Хабермаса, который ввел в научный оборот термин «постметафизическое мышление», оно означает собственно современное (постсовременное) мышление и характеризуется лингвистическим поворотом, ситуированием разума и преодолением логоцентризма, что выражается в инверсии традиционного доминирования теории над практикой. См.: Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. S. 14.

дискурсе оно использует приемы понятийного ограничения принципов народного суверенитета и прав человека и привязывает (*verankert*) легитимацию законов (включая основной закон, обосновывающий господство закона) к опыту обсуждения и представительства демократического волеизъявления и формирования общественного мнения, каким он представлен в конституционном государстве; этот опыт мыслится как обладающий потенциалом легитимации»²⁶.

Сторонники делиберативной концепции права исходят из дискурсивной рациональности, основанной на «идеальной речевой ситуации» как практики «идеального коммуникативного сообщества», развитаемой К.-О. Апелем и Ю. Хабермасом, способствующей достижению компромисса в ходе обсуждения любой социальной проблемы. Условием, обеспечивающим признание нормы права, претендующей на значимость, по мнению Ю. Хабермаса, является принцип универсализации — «идеальная языковая ситуация» обеспечивает одобрение нормы со стороны всех затрагиваемых ее лиц. К условиям процесса коммуникации он причисляет иммунитет против подавления и неравенства, симметричность коммуникации, руководство одним мотивом — мотивом совместного поиска истины и, наконец, допущение идеального «неограниченного коммуникативного сообщества». При этом Ю. Хабермас приводит правила дискурса, сформулированные известным немецким теоретиком права Р. Алекси: 1) ни один говорящий не должен противоречить себе; 2) каждый говорящий, применяющий предикат F к предмету A, должен быть готов применить предикат F к любому другому предмету, который во всех релевантных отношениях равен A; 3) разные говорящие не должны использовать одно и то же выражение, придавая ему различные значения; 4) каждый говорящий может говорить только то, во что он сам верит; 5) тот, кто прибегает к высказыванию или норме, не относящимся к предмету дискуссии, должен привести основание для этого; 6) каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе; 7) каждый может ставить под вопрос любое утверждение; 8) каждый может вводить в дискурс любое утверждение; 9) каждый может выражать свои установки, желания и потребности; 10) никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в пунктах 6 и 7²⁷.

В полном согласии с идеей социального конструктивизма, таким образом, утверждается, что

право не некая данность, вытекающая из «природы вещей», открываемой «законодательным Разумом», а, как и любой социальный институт — социальный конструкт, результат социального конструирования власти. Однако на этом мое согласие с влиятельной делиберативной теорией права заканчивается.

Дело в том, что концепция делиберативного (коммуникативного, процедурного) обоснования права Ю. Хабермаса сегодня представляется не более чем утопией. «Идея, будто может существовать состояние коммуникации, — писал М. Фуко, — которая будет такова, что игры истины смогут циркулировать в ней без препятствий, без давления и последствий принуждения, на мой взгляд, принадлежит к порядку утопии»²⁸. Более того, современная государственная рациональность, по изысканиям М. Фуко, коренится в теории государственного интереса, состоящего в самосохранении, и концепции полиции как тотальном управлении всей жизнедеятельностью человека. Поэтому, заключает он, «современным школам рациональности вряд ли нравятся попытки написать их историю, что, безусловно, свидетельствует о многом»²⁹. *Кто формирует «повестку дня» предельно широкого — универсального — политического форума, на котором происходит выработка правовых норм; кто селекционирует те позиции, которые достойны обсуждения; по каким критериям происходит определение «победителя» в конкурентной борьбе идей, на этом форуме представленных? На эти и другие»³⁰ вопросы делиберативная теория вразумительные ответы дать не в состоянии.*

Более того, сегодня проблематизируется не только рациональность выбора как основание согласия в обществе, но и сам критерий свободы такого выбора, как и сам выбор, если обстоятельства, ему предшествующие, и результат зависят от множества не поддающихся расчету факторов. В этой связи можно согласиться с точкой зрения

²⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. С. 266.

²⁹ Фуко М. *Omnnes et Singulatim*: к критике политического разума // Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М.: Праксис, 2006. С. 303, 315.

³⁰ Х. Йоас выделяет «шесть проблем, связанных со статусом дискурсивной этики. Первая проблема (1) возникает уже в ходе ретроспективного обзора развития теории Хабермаса и касается вопроса о том, действительно ли дискурсы в значении формальных процедур могут быть полностью отделены от ценностных предпосылок. <...> (2) откуда вообще появляются кандидаты на прохождение процедуры проверки, т.е. как возникают сами притязания на значимость?; (3) откуда берется мотивация, побуждающая актора вступить в дискурс и соблюдать его правила?; (4) из какой внутренней дифференциации дискурса мы должны исходить?; (5) как полученные результаты должны применяться в действии? и (6) за счет чего сами дискурсы могут оказывать связующее воздействие на участников» (Йоас Х. Указ. соч. С. 262).

²⁶ Хабермас Ю. Есть ли еще шансы для конституционализации международного права? // Хабермас Ю. Расколотый Запад. С. 129–130.

²⁷ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 137–140.

К. Хейворд, которая пишет, что области действия необходимо ограничены процессами аккультурации или формирования идентичности, поэтому невозможно различение свободного действия и действия, определяемого воздействием других³¹.

Сложность экспликации обоснования права и ценности права состоит в том, что общественные интересы, если таковые существуют как четко выраженные предпочтения, всегда ситуативны, изменчивы, подвержены манипуляциям власти. Более того, отсутствие сопротивления существующему порядку не означает, что он — порядок — легитимен, то есть принимается населением как «правильный», справедливый, другими словами, одобряется широкими народными массами. Как показал Д. Скотт в работе «Господство и искусство сопротивления: скрытые транскрипты»³², подвластное население зачастую притворяется, чтобы выжить, и поэтому не высказывает явного недовольства существующим положением дел. Поэтому только в реально демократических обществах (и то с некоторыми оговорками) можно выявить легитимность правовых норм социологическими методами. В иных обществах требуются глубинные антропологические исследования для выявления легитимности общественного порядка.

Легитимность, как утверждал П. Бурдьё, состоит в навязывании властью с помощью символического господства представления о том, что существующий конституционный порядок самоочевиден и естественен, скрывая с помощью механизма социальной амнезии его сконструированность властью из «первичного произвола». В то же время он предостерегал от признания того, что легитимация социального порядка является продуктом сознательно направленного действия пропаганды или символического внушения. Натурализация социального порядка достигается непреднамеренно действием множества факторов. Но нельзя недооценивать власть идеологии, которая, как пишет С. Люкс, «принимает разные формы <...> — от прямой цензуры и дезинформации до различных институциональных и персональных способов инфантилизации суждения, продвижения всех вариантов отказа от рациональности и поддержания иллюзорного мышления, среди которых «натурализация» того, что могло бы быть иным, и сокрытие источников желаний и верований»³³.

Таким образом, правовой порядок как продукт социального контроля конструируется механизмами господства, которые включают, по

мнению С. Люкса, «внедрение представлений (и последующий надзор за их укоренением) о сексуальной и ментальной «нормальности», о стандартах моды и мифах красоты, а также о гендерных ролях и возрастных категориях и, кроме того, об идеологических границах — например, между приватным и публичным, рыночным и нерыночным; это также бесчисленные формы и способы подавляющего навязывания стереотипов, форматирования и подачи информации в масс-медиа и в политических кампаниях и проч.»³⁴.

Вышесказанное свидетельствует о том, что постклассическая наука исходит из методологии социального конструктивизма. *Социальный конструктивизм, отрицая заданность социального мира, включая право и ценность права, утверждает его (и их) многообразие, возможность изменения к лучшему и, следовательно, личную ответственность за его современное состояние. Выступая в оппозиции к «наивному социальному реализму», он запрещает выдавать частные, индивидуальные интересы и стремления за общественные и тем самым говорить от имени социального целого.*

Таким образом, содержательная универсальность права и ценность права во «всемирной республике» невозможна. Но означает ли это невозможность универсальности права и его ценности вообще? Поспешным был бы радикально отрицательный ответ на этот вопрос. Для того чтобы разобраться в нем, необходимо проанализировать *диалог универсального и контекстуального, релятивного в праве*. Существует ли универсальное право (а значит — и конституция) и представление о его общих — для всех времен и народов — признаках и в силу этого ценности? Другими словами, есть ли нечто общее, что свойственно явлениям и процессам, именуемым юридической теорией (точнее — теориями или различными концепциями права) термином право, с учетом его исторической изменчивости, культурной обусловленности и многогранности? Если оно есть, то как реализуется в единичном — юридически значимых действиях людей?

Мировоззрение, господствующее со второй половины XX в. и до наших дней, казалось бы, не оставляет возможности положительного ответа на вопрос о возможности универсального права и неотделимого от него знания о нем, так как сегодня с легкой руки культурной антропологии, аналитической философии³⁵, гипотезы лингвистической относительности, постструктурали-

³¹ См.: Hayward C.R. De-facing Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 30.

³² Scott J.G. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990.

³³ Люкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 212–213.

³⁴ Там же. С. 176.

³⁵ Речь идет, по крайней мере, о релятивистском направлении в аналитической философии, представленном идеями позднего Л. Витгенштейна (языковых игр, прежде всего), концепцией возможных миров Н. Гудмэна, теорией онтологической относительности У. Куайна и др.

стов, постмодернистов и т.д. доминирует идея релятивизма.

Принципиально важную роль в становлении концепции релятивизма сыграл принцип дополнительности Н. Бора, имеющий общеметодологическое значение. Он означает контекстуализм научного знания — его зависимость от позиции наблюдателя, отсутствие привилегированной точки зрения («Божественного наблюдателя» — Х. Патнем), а тем самым несоизмеримость научных парадигм. Поэтому, например, научные факты всегда являются «теоретически нагруженными»: они зависят от того, как их оценивают с позиций соответствующей теории, и сами по себе (без теории) они ничего не доказывают. В связи с принципом релятивизма нельзя не вспомнить ограничительные теоремы К. Геделя, опровергающие возможность существования формализованных непротиворечивых и одновременно полных (завершенных) систем. В частности, первая теорема Геделя гласит: если система (множество) непротиворечива, то она неполна (незавершенная); если же она полна (завершенная), то она противоречива.

Лингвистический «поворот» в социогуманитарном знании сформулировал зависимость социальной реальности от представлений о ней: ситуация реальна настолько, насколько она воспринимается как реальная — гласит знаменитая «теорема У. Томаса». Это же утверждают и сторонники социальной феноменологии. Поэтому релятивизм в научном познании одновременно оказывается онтологическим релятивизмом социального бытия: социальный мир не существует вне знакового (языкового) его опосредования.

Таким образом, релятивизм преодолевает наивно-реалистическое представление о познании и мире: познание не является отражением природы («зеркалом природы», по Р. Рорти), так как мы никогда не сможем сравнить представление о реальности с самой реальностью (Т. Рокмор), ибо последняя дана нам только как представление. Все это относится и к релятивности права.

Не спасает универсальность права и конституции «формула Радбруха», с помощью которой сторонники юснатурализма пытаются найти единый, всеобщий критерий права. Закон превращается в «неправо» тогда, «когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как “несправедливое право” отрицает справедливость»³⁶. Эта формула (которая в интерпретации юридического либертаризма звучит как «запрет на агрессивное насилие») может быть использована в социуме, в котором имеется моральный консенсус по вопро-

су «нетерпимых нарушений» прав человека. Но даже в таком случае она непригодна для оценки с моральной точки зрения большинства нормативных правовых актов, так как они в большинстве случаев являются морально нейтральными. Если даже такое знаковое событие, как разрушение Башен-близнецов в Нью-Йорке 11.09.2001, одними воспринималось как тяжелейшая трагедия, а другими (жителями европейских государств — выходцами из стран мусульманского мира, получающими социальные пособия) как торжество справедливости, то о каком моральном консенсусе может идти речь?

Признавая справедливость идей, сформулированных многими известными учеными в пользу контекстуальности, релятивности права, в то же время замечу, что в любом социуме есть те *нормы, которые обеспечивают его воспроизводство*. Это конститутивные для экономики, политики и других интеракций, из которых складывается общность людей, нормы, без которых эти общественные отношения (интеракции и их ментальные образы) не смогут нормально функционировать. Например, без закрепления права частной собственности невозможна нормальная рыночная экономика; без нормы, устанавливающей правила проведения свободных выборов, невозможна демократическая политическая система; а без запрета убийств в какой-либо форме (хотя бы обычаем кровной мести) ни один социум не в состоянии выжить. Проблема их выявления — одна из насущных для теории права. Сегодня невозможно сформулировать универсальные содержательные критерии их экспликации, тем более что наука не в состоянии описать и объяснить объект исследования полностью, целиком, аподиктично. Но это не означает, что их нет. Для их обнаружения требуется социолого-правовое исследование данного конкретного социума, призванное зафиксировать, в том числе «качественными методами», широко распространенные, многократно используемые и положительно оцениваемые нормы (правила) и практики их использования в повседневной жизнедеятельности как правоприменителями, так и обывателями, их легитимность и эффективность.

Таким образом, *универсальность права и его универсальная ценность — это его социальное назначение, которое состоит в обеспечении нормального функционирования, выживания социума*. У всех народов и во все времена существовали и существуют конститутивные для соответствующего социума нормы. Они-то и должны, с моей точки зрения, именоваться правом. Другими словами, правовыми, согласно этой позиции, могут быть названы только такие нормы, закрепленные в соответствующих формах (источниках), которые объективно являются функционально значимыми — обеспе-

³⁶ Радбрух Г. Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 234.

чивают как минимум выживание, а как максимум — достижение желаемого уровня функционирования социума, а сегодня — человечества³⁷. Так, ни одно общество не может обойтись без уголовно-правовых запретов убийства, кражи, грабежа и других преступлений *mala in se*³⁸. Для нормального функционирования рыночной экономики необходимыми — конститутивными — являются конституционные и гражданско-правовые нормы, закрепляющие право частной собственности, альтернативность форм собственности, добровольность заключения договоров, запрет на монополию и др. Для демократической политической системы невозможно обойтись без норм, регулирующих свободные и регулярно проводимые выборы, свободу средств массовой информации, многопартийность и др. Конечно, выявить функциональную значимость отдельных норм достаточно проблематично, тем более что многие нормативные правовые акты занимают «нейтральное» положение по отношению к сформулированному критерию³⁹. Но можно выявить «неправовые» нормы (точнее — статьи нормативных правовых актов), например, по таким косвенным признакам, как распространенность, многократное использование и положительная оценка. Если правило поведения по какой-то причине не распространено среди широких слоев общества, не используется (применяется) правоприменителем и/или населением и отрицательно оценивается общественным правосознанием, то такая статья нормативного правового акта или целый нормативный правовой акт

не обладает функциональной значимостью и не может считаться нормой права.

Очевидно, что правящая элита и референтные группы, формулируя правовые инновации, не обладают полным знанием о «непреднамеренных последствиях», которые всегда вероятностны при более или менее широкомащштабных реформах законодательства. Ко всему прочему, они всегда преследуют и собственные цели, не совпадающие (хотя бы отчасти) с интересами населения. Но при всем этом субъекты законодательства не могут не учитывать трансцендентный критерий права — его функциональную значимость. В противном случае может стать так, что управлять будет некем и нечем. При отсутствии универсальных, объективных критериев научной аподиктичности основание для отнесения закона к правовому всегда вероятностное⁴⁰. Поэтому приходится довольствоваться малым: утверждением, что правом является то, что сегодня (хотя завтра все может кардинально измениться) господствующими социальными группами, обладающими реальной возможностью навязывать свое мнение населению, признается таковым⁴¹. Слово «навязывать», может быть, кажется чрезмерно резким, созвучным господству. Но «свободной от принуждения» коммуникации, как уже упоминалось, не существует. Постструктуралисты показали (для кого-то — доказали), что даже простейшая номинация — это уже «доминирование или принуждение структуры»⁴². Именно «структура» как господствующее социально представление, например юридически должное, обеспечивает правовую социализацию и наполняет конкретным содержанием абстрактные или «расплывчатые» категории справедливости, свободы, формального равенства, устанавливая тем самым их конкретную меру. Поэтому эти категории, конститутивные для либертарного,

³⁷ Интересно, что это положение вполне согласуется с идеями таких ученых-юристов, как Г. Харта и Л. Фуллера. «Минимум естественного права» Г. Харта, по сути, есть проявление «естественного закона» — стремление всех живых существ к выживанию, самосохранению. «Чтобы поднять <...> вопрос о том, как люди должны жить вместе, мы должны исходить из того, что их целью, в общем-то, и является жить» (Харт Г. Понятие права. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 194). Л. Фуллер полагал, что не выживание составляет цель всех человеческих устремлений, а «поддержание коммуникации» (См.: Фуллер Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 221. Замечу, что для поддержания коммуникации необходимо «трансцендентное» условие — наличие социума. Поэтому обеспечение его самосохранения является более фундаментальным принципом, по сравнению с поддержанием коммуникации).

³⁸ При этом не важно, в какой форме эти нормы закрепляются — законодательства, религиозных максим, обычаев и т.д. Важно, что без них в обществе восторжествует анархия, и оно прекратит свое существование.

³⁹ Так, «нейтральными» можно считать многие процессуальные или организационные нормативные правовые акты, закрепляющие процедуры и структуру органов государственной власти, для которых важно само по себе единообразие порядка деятельности. Не так важно, по какой стороне должен двигаться автотранспорт — по правой или, как в Англии или Японии, по левой. Важно, чтобы движение было по одной стороне, что и является функционально значимым для дорожного движения. В противном случае дорожное движение превращается в одну большую пробку, что можно наблюдать сегодня в крупных городах России.

⁴⁰ Только позиция «Божественного наблюдателя» (по терминологии Х. Патнема) может определить, какие сегодня нормы являются «истинно правовыми».

⁴¹ Господство социальной группы или класса, как утверждал М. Фуко, это не навязывание властных отношений. «Скорее, буржуазный класс получает от них выгоду, он их использует, он их приспособливает к себе, он пытается интенсифицировать некоторые из этих властных отношений или, наоборот, пытается смягчить некоторые из них. Стало быть, не существует единого очага, откуда бы эманировали все эти отношения власти, но существует переплетение властных отношений, каковое в итоге и делает возможным господство одного общественного класса над другим, одной группы над другой» (Фуко М. Власть, великолепный зверь // Интеллектуалы и власть. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 21–22).

⁴² Антагонизм конститутивен для человеческих обществ, которые не могут не быть имманентно конфликтными, утверждает Ш. Муфф. (Mouffe Ch. Agonistic Public Spaces, Democratic Politics and the Dynamics of Passions // Thinking Worlds: The Moscow Conference on Philosophy, Politics, and Art / eds. Backstein J., Birnbaum D., Wallenstein S.-O. Moscow, Berlin, 2007. P. 95).

например, правопонимания, контекстуально обусловлены и через механизмы социализации «навязаны» (в определенном смысле этого слова) сторонникам данной научной школы, реализуя «власть знания», о которой писал М. Фуко⁴³.

Другими словами, *ценность права — это достигнутый в результате диалогических дискурсивных практик (если мы живем в демократическом обществе) компромисс по поводу того, какие социальные явления и процессы считать правовыми, какое поведение считать должным, если при этом не обнаруживается дисфункциональность социума* (в противном случае все теоретические и практические рассуждения на тему коммуникативности или диалогичности права, права как справедливости и т.д. окажутся никому не нужными). Имманентная диалогичность права — это универсальная абстракция, необходимая для уважительного отношения к Другому, это отказ от привилегии собственной точки зрения, от доминирования или «агрессивного насилия». В то же время правовой диалог — это артикуляция различий в рамках «продуктивной коммунальности», а не утопия всеобщей дружбы или любви. *Диалог в праве — это признание необходимости Другого (или «другости», по терминологии П. Рикера) как условие выживания всех. Именно диалог снимает оппозицию универсальное/локальное (контекстуальное) применительно к праву и выражает его социальное назначение как трансцендентную ценность. Имманентная же ценность права состоит в его легитимности — признании населением, выражаемом дискурсивными практиками приписывания правового значения тем социальным интеракциям, которые выражают социальные предпочтения широких слоев населения*⁴⁴.

⁴³ «Важно, я полагаю, то, что истина и не за пределами власти, и не без власти ...Истина — дитя мира сего, она производится в нём благодаря множеству правил и ограничений. В нём она хранит упорядоченные воздействия власти. Каждое общество имеет свой режим истины, свою «общую политику» истины, то есть типы рассуждений, которые оно принимает и использует в качестве истинных; механизмы и органы, позволяющие отличать истинные высказывания от ложных; способ, каким те и другие подтверждаются; технологии и процедуры, считающиеся действительными для получения истины; статус тех, кому поручено говорить то, что функционирует в качестве истинного. <...> она производится и передаётся не исключительно, но под господствующим контролем и управлением нескольких крупных политических и экономических институтов (университет, армия, письмо, средства массовой информации); и, наконец, она является ставкой всякого политического спора и всякого общественного противостояния («идеологической» борьбы)». (Фуко М. Политическая функция интеллектуала (1976) // Интеллектуалы и власть. Ч. 1. С. 206–207).

⁴⁴ Именно так определяет правовые ценности Ю.Ю. Ветютнев: «типичные социальные предпочтения, получающие официальное нормативное признание и защиту» (Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 29).

Список литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.
3. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: НЛЮ, 2013. 576 с.
4. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
5. Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб.: Алетейя, 2013. 312 с.
6. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 69–89.
7. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Часть 1 // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 20–31.
8. Люкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 240 с.
9. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 151 с.
10. Марков Б.В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. 566 с.
11. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 439 с.
12. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс, 1992. 485 с.
13. Радбрух Г. Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.
14. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Часть 1. М.: Практикс, 2002. 384 с.
15. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Часть 2. М.: Практикс, 2006. 320 с.
16. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Часть 3. М.: Практикс, 2006. 320 с.
17. Фуллер Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. 306 с.
18. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
19. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М.: Весь мир, 2011. 331 с.
20. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. 192 с.
21. Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М.: Весь мир, 2013. 144 с.
22. Харт Г. Понятие права. СПб.: СПбГУ, 2007. 302 с.
23. Честнов И.Л. Социокультурная антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 77–85.
24. Юридическая аксиология // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В.С. Нерсеянца. М.: УРСС, 2000. С. 5–29.
25. Шульц В.Л., Бочкарёв С.А. «Состояние права» как объект научно-практического осмысления // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 13–20.
26. Gedel K. Über formal unentscheidbare Setze der Principia Mathematica und verwandter Systeme 1 // Monatshefte fuer Mathematik und Physik. Bd. 38. 1931. S. 173–198.
27. Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. 285 S.
28. Hayward C. R. De-facing Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 228 s.
29. Mouffe Ch. Agonistic Public Spaces, Democratic Politics and the Dynamics of Passions // Thinking Worlds: The Moscow Conference on Philosophy, Politics, and Art / eds. Backstein J., Birnbaum D., Wallenstein S.-O. Moscow, Berlin, 2007. S. 90–98.
30. Scott J.G. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990. 251 s.

The value of law in post-classical measurement

Chestnov I.L.,

Doctor of Law,

Professor of the Department of theory and history of State and Law
of the St. Petersburg law Institute of the Academy of the Prosecutor General
of the Russian Federation, honored lawyer of the Russian Federation

E-mail: ichestnov@gmail.com

Abstract. *The author shows the limitations of the classical understanding of the value of the right. Post-classical methodology is a new dimension of law and its values. The value of the rights is constructed of the power of discursive practices. At the same time the value of the right is its social purpose. It is to ensure the proper functioning of society.*

Keywords: *value of law, post-classical law, construction law.*

References:

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2002. 390 s.
2. Bek U. Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizacii. Novaja vseмирno-politicheskaja jekonomija. M.: Progress-Tradicija, 2007. 464 s.
3. Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Oчерki sociologii gradov. M.: NLO, 2013. 576 s.
4. Vetjutnev Ju. Ju. Aksiologija pravovoj formy. M.: Jurlitinform, 2013. 200 s.
5. Joas X. Vozniknovenie cennostej. SPb.: Aletejja, 2013. 312 s.
6. Karnap R. Preodolenie metafiziki logicheskim analizom jazyka // Analiticheskaja filosofija: Stanovlenie i razvitie (antologija) / obshh. red. i sost. A.F. Grjaznov. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1998. S. 69–89.
7. Lapaeva V.V. Sovremennoe sostojanie i perspektivy rossijskoj teorii prava i gosudarstva. Chast' 1 // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 20–31.
8. Ljuks S. Vlast': radikal'nyj vzgljad. M.: GU-VShJe, 2010. 240 s.
9. Malahov V.P. Mify sovremennoj obshhepravovoj teorii. M.: JuNITI-DANA, 2013. 151 s.
10. Markov B.V. Znaki bytija. SPb.: Nauka, 2001. 566 s.
11. Mikeshina L.A. Jepistemologija cennostej. M.: ROSSPJeN, 2007. 439 s.
12. Popper K.R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 2. M.: Feniks, 1992. 485 s.
13. Radbruh G. Filosofija prava. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2004. 240 s.
14. Fuko M. Intellektualy i vlast'. Chast' 1. M.: Praxis, 2002. 384 s.
15. Fuko M. Intellektualy i vlast'. Chast' 2. M.: Praxis, 2006. 320 s.
16. Fuko M. Intellektualy i vlast'. Chast' 3. M.: Praxis, 2006. 320 s.
17. Fuller L. Moral' prava. M.: IRISJeN, 2007. 306 s.
18. Habermas Ju. Vovlechenie Drugogo. Oчерki politicheskoy teorii. SPb.: Nauka, 2001. 417 s.
19. Habermas Ju. Mezhdunarodnyj naturalizm i religiej. M.: Ves' mir, 2011. 331 s.
20. Habermas Ju. Raskolotyj Zapad. M.: Ves' mir, 2008. 192 s.
21. Habermas Ju. Jesse k konstitucii Evropy. M.: Ves' mir, 2013. 144 s.
22. Hart G. Ponjatje prava. SPb.: SPbGU, 2007. 302 s.
23. Chestnov I.L. Sociokul'turnaja antropologija prava kak postklassicheskaja nauchno-issledovatel'skaja programma // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 77–85.
24. Juridicheskaja aksiologija // Politiko-pravovye cennosti: istorija i sovremennost' / pod red. V.S. Nersesjanca. M.: URSS, 2000. S. 5–29.
25. Shul'c V.L., Bochkarov S.A. «Sostojanie prava» kak ob'ekt nauchno-prakticheskogo osmyslenija // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 13–20.
26. Gedel K. Über formal unentscheidbare Setze der Principia Mathematica und verwandter Systeme 1 // Monatshefte fuer Mathematik und Physik. Bd. 38. 1931. S. 173–198.
27. Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. 285 s.
28. Hayward S. R. De-facing Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 228 s.
29. Mouffe Ch. Agonistic Public Spaces, Democratic Politics and the Dynamics of Passions // Thinking Worlds: The Moscow Conference on Philosophy, Politics, and Art / eds. Backstein J., Birnbaum D., Wallenstein S.-O. Moscow, Berlin, 2007. S. 90–98.
30. Scott J.G. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990. 251 s.